

АНАНЬЕВА-РАБИНОВИЧ

Софья Григорьевна

(1856 – 1941)

О Софье Григорьевне Кропоткиной написано обидно мало. Вместе с тем она представляет тип русской образованной женщины конца прошлого — начала нынешнего века, участницы освободительного движения.

Софья Григорьевна Кропоткина, урожденная Рабинович - переводчица, жена теоретика анархизма, географа, исследователя Восточной Азии П. А. Кропоткина, автор воспоминаний.

Родилась в Киеве. Детство провела в Томске, куда за помощь польским повстанцам был сослан ее отец (киевский купец), носивший подпольную кличку «Ананьев». Окончила Томскую Мариинскую женскую гимназию.

В 1873 году для продолжения образования выехала из России в Швейцарию. Поступила на медицинские курсы в Берне. Затем продолжила учебу в Женеве как студентка-биолог Женевского университета. В 1878 году

познакомилась с русским революционером-анархистом - князем Петром Алексеевичем Кропоткиным.

В свои 36 лет он впервые в жизни серьезно и глубоко полюбил. *“Я встретился в Женеве с одной русской женщиной, - писал он П. Робену 1 января 1879 г., - молодой, тихой, доброй, с одним из тех удивительных характеров, которые после суровой молодости становятся еще лучше. Она меня очень полюбила, и я ее тоже”.*

“Брак этот, - пишет Л. Дейч, - несмотря на значительную разницу в годах, оказался очень счастливым”. В течение всей последующей, часто далеко нелегкой жизни Софья Григорьевна оставалась для Петра Алексеевича верным и преданным другом. Сам же он, говоря о своем отношении к любви и браку, добрым словом вспоминал И.С. Тургенева. *“Повесть Тургенева «Накануне» определила с ранних лет мое отношение к женщине, и, если мне выпало редкое счастье найти жену по сердцу и прожить с ней вместе счастливо больше двадцати лет, этим я обязан Тургеневу”.*

К моменту встречи с Петром Алексеевичем Софья Григорьевна уже вполне определилась в своих народнических идеалах. Сознание правоты добровольного выбора давало мужество и оптимизм, чем так подкупала окружающих супружеская пара Кропоткиных. И еще одну опору в трудностях скитальческой жизни находила Софья Григорьевна, следуя народнической заповеди «спасения в труде». Об этом писал близкий друг Кропоткиных известный французский географ Элизе Реклю: *«Труд спасителен для нас, он дает возможности перенести тяготы жизни».*

С.Г. Кропоткина. Фотография публикуется впервые

Софья Григорьевна действительно была великой труженицей. Она стала верной помощницей Кропоткина в семейных, общественных и научных делах, но вовсе не превратилась в его бледную тень.

Чем только она не занималась: работала наборщицей в нелегальной типографии в Женеве, сотрудничала в биологической лаборатории в Лондоне и там же преподавала курс биологии, и читала лекции по естественным наукам, выступала с «общедоступными» сообщениями по социальным проблемам и вопросам освободительного движения в России, публиковала популярные статьи по анархизму и много сделала для поддержания административных ссыльных и русских политических эмигрантов, о чем вспоминали на праздновании ее 80-летия в 1936 г. В фонде Кропоткина в Государственном Архиве РФ можно найти обширную подборку писем к Софье Григорьевне; со многими видными деятелями социалистического движения на Западе она переписывалась много лет. Наблюдая за действиями женщины в трудные минуты жизни, Элизе Реклю писал: «Софи храбро сражается с судьбой».

Впервые Софья Кропоткина бросила вызов судьбе во время трехлетнего заключения мужа во французской тюрьме в Клерво (1883—1886 гг.) близ Лиона. Она поставила на ноги высшую государственную и тюремную администрации, научную общественность и друзей Кропоткина, чтобы облегчить условия содержания узника и добилась для него разрешения заниматься научной работой (кроме того, в Клервоской тюрьме Кропоткин много рисовал и обучился переплетному делу). Софья Григорьевна поселилась поблизости и совершала поездки в Париж, заворачивая иногда даже в Кларан (Швейцария), где жил Э.Реклю, и перевозила целые чемоданы книг.

15 апреля 1887 г. в пригороде Лондона Харроу у Петра Алексеевича и Софьи Григорьевны Кропоткиных родился долгожданный ребёнок - дочь Саша. Названа она была в память покончившего жизнь самоубийством 25 июля 1886 г. любимого брата Петра Алексеевича Александра. Весной 1892 г. Кропоткины переезжают из Харроу в Актон. В это время Саша превращается в «смуглую, подвижную, по словам Бернарда Шоу «прелестную девочку», и вскоре начинает учебу в местной частной школе». Летом, в каникулы, мама возит ее на отдых к морю или к друзьям: Элизе Реклю, Луизе Мишель и другим.

В конце 90-х — начале двухтысячных Кропоткины живут в Бромли, небольшом городке в десяти милях к юго-востоку от Лондона. Софья Григорьевна воспитывает ребенка и читает лекции, Петр Алексеевич много ездит с выступлениями по стране, ведет агитацию среди рабочих и студентов. Оба родителя души не чают в маленькой дочке. Как любящая мать, Софья Кропоткина, возможно, склонна идеализировать дочь. Так описывает она дочь в письме к мужу из Бельгии, где отдыхает с Сашей: «Счастливым ребёнком, везде-то её любят... Сегодня все пришли в восторг от ее поступка. В соседнем доме заперли обезьянку в маленькую клетку. Саша возмутилась, пошла к соседу и сказала... посадить обезьянку в большую клетку, по которой она сможет

бегать, и, действительно, через час это было исполнено». И еще: «Она так похожа на Петю, — пишет мать о десятилетней Саше. — У него она взяла все лучшее. ... Но от меня она унаследовала вспыльчивый... характер»

Последние годы Софьи Григорьевны также, как и самого П.А.Кропоткина, были омрачены горечью разочарования от несоответствия идеалов, которым была отдана жизнь, и мрачной действительностью революционной России (Кропоткины вернулись на родину после февральской революции 1917 г.).

Угнетало отсутствие культурной среды в Дмитрове, где по соображениям экономии супруги Кропоткины поселились в 1918 г. «Уж очень велика некультурность тут, очистили тут «площадь» от всякого хорошего живого». И на этой очищенной площади, по наблюдениям С.Г., почти не осталось людей, вселяющих надежду на будущее России. Ей, воспитанной на идеалах служения народу равно чужды и «ликующие, праздно болтающие», и «равнодушные ко всему, что происходит кругом. Лишь бы их не касалось то, что убивает душу и веру в прогресс».

В своих письмах к подруге Марии Исидоровне Гольдсмит о неустроенности собственной жизни привыкшая к лишениям Софья Григорьевна пишет мало. Ее терзает то, что происходит вокруг. «Горя, слез и нужды кругом — душа надрывается. Иногда я сравниваю эти дни с днями 1905 года, но теперь я более бессильна помочь, чем тогда», — писала она в июле 1927 г.

Небольшой деревянный дом, где поселились Кропоткины, стоял в саду. Чтобы попасть в него, надо было пройти через стеклянную террасу в крошечную темную переднюю, соединявшуюся с небольшой уютной столовой, а затем в кабинет хозяина с одним окном. В кабинете было тесно от мебели и книг: они лежали на столах, стульях, подоконнике, рояле. Здесь Петр Алексеевич работал и спал. Условия жизни в доме были скромные, обстановка говорила о неприхотливости хозяина.

«Хотя продовольствия не хватало, получив один или два раза кремлевский паек, Кропоткин отказался от него. В 1920 году он стал получать литературный паек, но и этим тяготился».

К дому Кропоткиным достался приусадебный участок и корова. «Мы тоже выжили — прожили тяжелую зиму и готовимся к новой зиме, еще более трудной, чем предыдущая... Нам отвели здесь кусок луга для покоса... Софья Григорьевна убрала его вовремя... Овощами нам

удалось себя обеспечить. Софья Григорьевна, несмотря на то, что ей 64 года... сама обработала довольно большой огород», — писал Кропоткин П.А. Горбунову из Дмитрова. Конечно, усилия любимой и любящей жены, взявшей на себя основной груз повседневных забот, облегчали быт, но справиться со всеми хозяйственными проблемами не могла и она.

В своем случае С.Г. не видела ничего исключительного, он типичен для положения интеллигента в России. «Советский режим не избаловал нас. Интеллигенция большей частью разутая и раздетая», «Достать, конечно, все можно, но на это нужно иметь привилегию, она и теперь разнородна — у меня никакой, я живу как многие», а позже настаивает: «Я живу как все другие, а это не только больному (в то время она переболела тяжелым бронхитом), но и здоровому трудно».

Но и тогда Софья Григорьевна нашла для себя достойное дело. Она занялась созданием и сохранением Музея памяти П.А.Кропоткина. В эту пору судьба выступила в образе тоталитарного государства и его могущественного орудия ГПУ. В этой неравной схватке С.Г. и ее ближайшее окружение проявили удивительную выдержку и мудрость, что позволило музею продержаться почти двадцать лет.

С.Г. Кропоткина ближе других стояла к созданию и научной работе музея. В первые годы становления музея она столкнулась с большими материальными и организационными трудностями. Нужны были большие затраты и усилия для ремонта и содержания полученного в подарок от Моссовета полуразрушенного здания (в нем родился П.А.Кропоткин), для организации в нем работы, для разборки и систематизации обширного «хозяйства» музея.

Софья Григорьевна декларировала общественный характер музея. Такой статус исключал государственное финансирование, равно и вмешательство государства в дела музея. Насколько принципиальной была эта позиция, мы можем судить из письма Софьи Григорьевны к М.И.Гольдсмит. «Весьма возможно, — писала она, — что государство придет мне на помощь, а я этого не хочу и пенсию не хочу. Не хочу никакого государственного вмешательства в работу над архивами и в мою личную жизнь».

После смерти Софьи Григорьевны в 1941 году экспонаты и архив музея были переданы Музею Революции. В 1945 году поступили на архивное хранение (по мнению архивистов, далеко не в полном объеме).

Похоронена Софья Григорьевна на Новодевичьем кладбище.

